

Евгений Меркулов

ЖЕМЧУГА И САМОЦВЕТЫ

Избранные стихи и песни. Том 2

Евгений Меркулов

**Жемчуга и самоцветы.
Избранные стихи и песни. Том 2**

«Издательские решения»

Меркулов Е.

Жемчуга и самоцветы. Избранные стихи и песни. Том 2 /
Е. Меркулов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969508-6

Во второй том сборника «Жемчуга и самоцветы» (Избранные песни и стихи) включены избранные тексты по казачьей тематике. Легенды, стихи, песни, байки, предания, анекдоты... Есть, конечно, и плоды моих собственных раздумий. Приятного прочтения. Автор

ISBN 978-5-44-969508-6

© Меркулов Е.
© Издательские решения

Содержание

СОБИРАЮ МОЛОДОСТЬ	6
ИЗ ЦИКЛА «КАЗАЧЬИ ЛЕГЕНДЫ И СКАЗКИ»	7
Азовское сидение или Почему казаки отмечают свой праздник на Покров?	7
Батька Булат	10
Воины Христа	13
Гербовый жеребей	15
Ермак и уж	18
Завет Коляды или откуда пошли казаки?	21
Казак и Судьбина	23
Как казак на том свете гостил	26
Кот али кат?	30
Лебяжий остров	33
Легенда о Белом Олене	39
Легенда о Волге и Доне	42
Легенда о донском цветке-бессмертнике	47
Легенда о запорожцах	51
Легенда о казаке	55
Легенда о красавице-казачке	60
Легенда о том, как Уруп-князь в грязи увяз	61
Легенда об амазонках	65
Одолень-травя	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Жемчуга и самоцветы Избранные стихи и песни. Том 2

Евгений Меркулов

© Евгений Меркулов, 2019

ISBN 978-5-4496-9508-6 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-9490-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Во второй том сборника «Жемчуга и самоцветы» (Избранные песни и стихи) включены избранные тексты по казачьей тематике. Легенды, стихи, песни, байки, предания, анекдоты... Есть, конечно, и плоды моих собственных раздумий.

*Мне шептала донская волна
Чудо-песни о вольных сынах,
Чьи деяния славят в веках —
О лихих, удалых казаках.*

*Эти песни покрепче оков
Помогают сплотить казаков.
Вот поэтому, братцы, для вас
Я сыграю их здесь и сейчас.*

На многие тексты уже написаны песни, которые можно послушать на моём сайте.

Приятного прочтения!

Автор

СОБИРАЮ МОЛОДОСТЬ

Раскатились мои годы, словно по полу горох,
Затаились по векам да по эпохам.
Я просеиваю в мыслях пыль исхоженных дорог
И собрать пытаюсь молодость по крохам.

Иногда в воспоминаньях среди серой шелухи
Я встречаю жемчуга и самоцветы.
Драгоценные находки прячу бережно в стихи,
Заворачиваю в песни и сонеты.

ИЗ ЦИКЛА «КАЗАЧЬИ ЛЕГЕНДЫ И СКАЗКИ»

Азовское сидение или Почему казаки отмечают свой праздник на Покров?

Что за праздник, робятушки, ноне? Покров!
Потому расскажу в этот день я
Вам не сказку, а правду про крепость Азов,
Про великое наше сидение.

Крепость в дельте одной из прекраснейших рек.
Я, конечно, гутарю о Доне.
Было это... постойте... семнадцатый век,
И Михайло Романов на троне.

Гулевала в Азове турецкая рать,
Учиняла разбои без меры,
Забирала себе всё, что можно забрать,
Продавала народ на галеры.

И тогда порешил круг донских казаков,
Что негоже с позором мириться,
Нужно взять у туретчины крепость Азов,
Основать там казачью столицу.

К ним на помощь пришли запорожцев полки.
Не родные, но всё ж таки братья.
И, избрав атаманов, пошли казаки
Судовою и конною ратью.

А Азов неприступен: большой гарнизон,
Сотни пушек, снарядов без счёта.
«Казаки наступают? Пожалте в полон,
Мы вам даже откроем ворота!»

Ночью взорваны разом подкопы у стен,
Затряслися Азова защиты.
И в теченье трёх дней те, кто выбрал «не плен»,
Были насмерть в бою перебиты.

Казаки победили в те славные дни,
Сокрушилась врагов оборона.
И пять лет безраздельно владели они
И Азовом, и устьями Дона.

Только турки запомнили этот урок,
И на время смирились для вида,
Порешив для себя в обозначенный срок
Отомстить казакам за обиду.

Городской гарнизон, как прознал про поход,
Кинул клич: «Кзаки, на подмогу!»
И пришли дети, жёнки, казачий народ...
Тысяч пять собралось, слава Богу.

Супротив оборонцев турецкий султан
Двинул главную мощь султаната:
Сорок тыщ янычар, кораблей караван,
Всех аскеров послал для захвата.

Батареи огонь ураганный вели,
Шли на приступ волна за волною.
Только стали защитники русской земли
Для врага неприступной стеною.

Не сумевши с наскока Азов отобрать,
Турки взяли героев в осаду,
Обещая для тех, кто решится предать,
И пощаду, и даже награду.

Но предателей не было среди казаков.
Без подменщиков, без передышки,
Дни и ночи в аду сабель, ружей, штыков...
Штурмы, натиски, взрывы и вспышки.

Дети, женщины, старцы, кому довелось
Быть в осаде, не прятались в хаты.
Помощь раненым, пища, снарядов подвоз,
Кипяток, чтоб облить супостата.

В результате для турок огромный урон!
Ну а что у противника в войске?
Не понять, ведь казак, угодивший в полон,
Шёл на муки без звука, геройски.

«Нам в раскладе таком воевать не с руки,
Заложите-ка мины, аскеры!»
Два десятка подкопов нашли казаки
И предприняли нужные меры.

Вот и осень настала, дожди, холода,
И хворобы пришли им по следу.
Стала таять стремительно вражья орда,
И надежд больше нет на победу.

В стане турок наметился крупный разлад,
Недовольство и ропот, и смута.
Мол, «давно уж пора возвратиться назад,
А мы тут сидим почему-то!»

От подкопов и подкупов толку нема,
Казаки пресекают всё разом.
Турки рвутся обратно, в родные дома,
Подчинения нету приказам.

А защитники тоже не чают чудес:
Вполовину ряды поредели,
Продовольствия мало, снарядов в обрез,
Нету силы в измученном теле.

Дух не сломлен казачий. Война, так война.
До последнего биться готовы.
На миру, как известно, и смерть не страшна,
Но не плен и не рабы оковы!

И Петров, атаман, произнёс свою речь:
«Казаки, призываю к атаке!
Всяко лучше в бою славной смертью полечь,
Чем подохнуть в плену, как собаке».

И в осеннюю ночку, как раз на Покров,
После службы защитники строем
Порешили наутро идти на врагов,
Попрощались друг с другом пред боем.

Рано-рано, в предутренней свежей тиши
Казаки отворили ворота.
Глядь, а в лагере турок нема ни души,
Стан покинули свой отчего-то.

Только где-то у моря, в далёкой дали
Слышен шум отступающей рати.
И в Азовские воды ушли корабли,
Но никто не просил о возврате.

Богородица, видно, спасла казаков,
Заступилась за нас, не иначе.
С этих пор отмечаем мы праздник Покров
Как особенный праздник казачий.

Батяка Булат **(по мотивам сказки Евгения Александрова)**

I

Эй, хлопцы, потише, кому говорят!
Послушайте сказ про казачий адат.

А знаете ль вы, соколята мои,
Что здесь, на Кубани, веками
Звенели-гремели когда-то бои
Меж турками и казаками?

Но вот, пыл сражений на время затих,
И выпал для воев большой передых.

Чтоб турок готовить на новый удар,
Решил ихний бей Мухаммедка
Лазутчика лучшего из янычар
Секретно отправить в разведку.

Пусть визнает, много ли у казаков
Орудий и ружей, и вострых клинков?

Как жаба лазутчик сидит в камышах,
Лишь бульки таращит из жижи.
– Веди меня дальше, – он молит – Аллах,
К пикетам казачьим поближе.

А там недалече шумна и шустра
Резвилась, мыряла в реке детвора.

И хлопчик Ивашка, лет десять, мабуть,
Хучь плавать умел, как таранька,
За щось зачепывся и начал тонуть,
Кричать стал о помощи Ванька.

Но дети боялись попасть в коловерть,
А взрослых нема... И залыбилась Смерть.

Не выдержал турок, из чакана – скок!
И в реку мальцу на подмогу.
С трудом, но сумел из воды на песок
Парнишку достать, слава Богу!

Очнулся, открыл свои очи Иван
И видит – склонился над ним басурман.

На выбритом лбу багровеет рубец,
Безусо лицо, безбородо.
Но турка ничуть не спужался малец,
Не зря же казачьего рода.

— За то, что помог мне, храни ты Христос! —
Спасителю тихо Иван произнёс.

Вдруг рядом послышалось ржанье коней,
Казачий разъезд на подходе.
Лазутчик растаял среди куширей,
И не было будто бы в роде.

II

А время бежало, Иван подрастал
И смелым, и мудрым воителем стал.

За стойкость и силу его, говорят,
Любили в народе Ивана
И дали прозвание батька Булат,
Доверили пост атамана.

Немало деяний на счёте бойцов,
«Булатных» лихих кубанцов-молодцов.

И раз после сечи построили в ряд
Пленённых в бою басурманов.
Пущай ихни судьбы решает Булат,
Да сбудется суд атаманов!

Глядит атаман: Мухаммедки бойцы —
Мундиры да фески, почти близнецы.

Но вдруг задержался Булатовый взгляд
На шраме на лбу у вражины.
Увидел того, кто лет двадцать назад
Извлечь его смог из стремнины.

А турок узнать не сумел бы сейчас
Того казака, кому жизнь он спас.

Булат приказал тех, кто сдался в полон,
Кормить и поить получшее.
А с турком со шрамом последовал он
В передние, нычит, траншеи.

Взобрались они на высокий курган,
Тогда и открылся Булат-атаман.

Вон, вишь за курганом кострища горят?
Вертайся, дарю тебе волю.
Один уговор лишь – по новой опять
Попастся не вздумай нам боле.

От речи такой басурман онемел.
Он думал, что батька ведёт на расстрел.

– Урус, объясни мне, зачем? Почему?
Откуда подобная милость?!
Аллахом клянусь, я никак не пойму,
Да что ж это вдруг приключилось?!

– Дык, помнят и досить у нас казаки,
Как спас ты мальчонку из бурной реки.

И турок тады осознал, наконец
(Не мог и представить он ране),
Судьбой его властвует тот же малец,
Чью жизнь он спас на Кубани.

– Запомни, неверный, продолжил Булат, —
Есть старый казачий кубанский адат.

Забудет казак причинённое зло,
Пристанища нет укоризне.
Но тем, кто поможет, считай, повезло —
Деяния славят по жизни.

И вам, соколята, усвоить пора —
Казак никогда не забудет добра.

Воины Христа (по мотивам «Казачьих сказок»)

Вот, басурман собралась рать
И латиняне с ними тоже
Христову веру в грязь втоптать
И православных уничтожить.

Сошёл с небес Всевышний сам,
Покинул горную обитель.
Сперва к монахам в Божий храм
Явился с просьбой о защите.

Но те за пением псалмов
Не услышали Божье слово.
Господь к дворянам: – Кто готов
Стеной за веру стать Христову?

– Да, мы готовы, есть у нас
Мечи и кони для атаки,
Но вишь, охотимся сейчас,
Уж больно дороги собаки.

Вот, погоди-ка, соберём
Любимых псов обратно в своры,
Тогда на битву и пойдём
Тотчас, какие разговоры?!

К купцам отправился Господь,
А те ответили: – О, Боже,
Сочтём барыш сейчас, погоду,
Придём на помощь, но попозже.

К крестьянам Бог направил глас:
– Мои возлюбленные чада,
Я столько мук терпел за вас,
Теперь помочь немного надо.

Никто из пахарей на зов
Не отозвался, все при деле.
Нашёл, мол, дурней! Из низов
Подмогу брать для ратной цели!

Война – занятие господ,
Крестьянам это до лампады.
Сейчас весна, день кормит год,
И сеять хлеб скорее надо.

В слезах Всевышний спросил:
– Есть на Руси такие люди,
Кто, не щадя последних сил,
Готовы стать за веру грудью?

И встали разом казаки,
Чтоб храбро встретиться с врагами.
Забыты сети и силки,
А табуны пасутся сами.

И кто в чём был оставил дом,
Пошёл, заслышав Божьи зовы.
– Господь, мы близко, мы идём,
Мы за тебя на всё готовы!

И посветлел Христоса лик,
Прислали скорую подмогу
Казачий Дон, Кубань, Яик
И все, кто верно служит Богу!

Благословил Господь сынов
И рёк им: – Роду быти живу,
Покуда будет он готов
Вставать по первому призыву

За Русь, за веру в бой идти,
За православные святыни!
Такие вам даны пути,
И да пребудет так отныне!

Да не исчезнет ваш народ!
И даже многим прегрешеньям,
Когда Великий Суд придёт,
Дам милосердное прощенье.

Гербовый жеребей (по мотивам «Казачьих сказок»)

– Ну шо, куженята, хотите ещё?
Тады подвигайтесь поближе,
Послушайте, как Емельян Пугачёв
Захватывал крепость Камышин.
Такая преграда в пути – не пустяк,
Мешает идтить, как на гузне чиряк.

А тут бяда – крепостной гарнизон
О рейде Емелиной рати
Был загодя кем-то, кубыть, упреждён,
А энто для штурма некстати.
И как ить прознали (хватило ж ума!),
Шо боезапасов у войска нема?

Пришёл Пугачёв, а оне начеку,
ЗарЯжены ружжа и пушки.
Куды же суваться таперь казаку?
Тут пики и сабли – игрушки.
Хучь с крепости дражнятся ахвицерА,
Дык, с саблей не выйдешь напротив ядра.

А те изгаляются – Эй, голытьба!
Нужна ли свинцовая каша?
Чегой-то не слышна сегодня пальба? —
А следом и местная стража
В угоду начальникам-ахвицерАм
Сымает порты, шоб показывать срам.

И што тут робыть? Коль в атаку побечь,
Достичь не получится вала.
В зародыше штурм остановит картечь,
И вновь начинай всё сначала.
Мовчат пугачёвцы, досада берёт,
Да только идтить невозможно вперёд.

Сие непотребство сурово смотря,
Иваныч покликнул Ивашку
Творогова, главного их пушкаря, —
Ты што жа,хвати ты кондрашка!
Пошто не потешишь хвастливых господ?
Пошто не закроешь их пакостный рот?

Гляжу я, Ивашка, твои пушкарни
Гуляют чегой-то без дела.

Мотри у меня, я ить на раз-два-три
Башку отделяю от тела.
Давай-ка картечью стволы заряжай,
Да тех, гологузных, слегка попужай. —

Ивашка ответил – Дык, ежели б могли,
Умыли б давно супостатов.
Вот только заряды мы все извели,
Когда штурмовали Саратов.
Чугунные ядра, картечь, жеребей
Оставили там, атаман, хучь убей! —

В раздумье нахмурил чело Емельян —
Расклад по всему нехороший,
Но взяли в Саратове крупный дуван,
Подводы каменьев и грошей.
А ну-ка, Ивашка, немедля ответь,
В обозе у войска имеется медь? —

– В Саратове взяли немало добра
(Иван гордо выпрямил плечи),
Возов десять меди, один серебра,
Да где на них купишь картечи?
Богата казна, только в энтой глуши
Заместо товара предложат шиши. —

Тут батька прикрикнул – А ну, не юли,
Ить мы рождены казаками!
Давай, заряжай, да из пушек пали
Целковыми и пятаками.
Коль грошей богато, чего их беречь?
Они – жеребей, и они жа – картечь!

– Дык, жалко! Оставь хучь бы воз, атаман! —
Пушкарь попросил Емельяна.
– Сполняй приказанье! И помни, Иван,
Мы бьёмся не ради дувана.
Повёл за собою в поход я народ
Дворян изничтожить и прочих господ. —

Начнёшь обсуждать атаманский приказ —
Не кончится энто комедию.
И пушки почали плеваться зараз
По крепости гербовой медью.
И только в атаку пошли казачки,
Как крепость сдалася. Вот так-то, внучки.

Связал ахвицеров своих гарнизон,
Ишо коменданта до кучи.

– Нам верную смерть принимать не резон,
Сдадимся на милости лучше.
Ить мы жа не черти и нам не с руки
Калёные тута считать пятаки. —

Решил атаман никого не казнить,
Велел разобратся по-свойски:
Уходят пушай те, хто хочет уйтить,
Хто хочет – останется в войске.
Шёл батька стеной за народ за простой...
За то и расстался потом с головой.

Э, нет, хитрованы, ваш номер нейдёт!
Отложим до иного раза.
Готовы сидеть тута ночь напролёт
И дедовы слухать рассказы.
На баз «по делам» и стрелюю в курень,
Покель ваш батяня не вынул ремень!

Ермак и уж (по мотивам «Казачьих сказок»)

Так от же игрец, растудыть ты в качель!
Положь его в реку обратно!
А хошь, расскажу те, кужонок, откель
У ужика жёлтые пятна?

Послухай, с тех пор пролетели века,
А сколько? Не помню цифири.
Да ты, чай, читал про поход Ермака,
И про покоренье Сибири?

И чьё сразу имя приходит на ум?
А ну-тка, скажи без утайки.
Ну, точно, прохвессор, конечно, Кучум!
Всё вспомнить сумел без нагайки.

В заглавный татарский кучумовский стан,
Повдоль Иртыша-землероя,
Замыслил направить войска атаман
Весеннею ранней порою.

Ой, дружно валили стволы казаки,
Так бают былинные сказы,
Кубыть для покора сибирской реки
Надёжные сделать баркасы.

Построили струги легки и быстры,
На зорьке ветрила багряны.
Уложены сабли, мечи, топоры...
Ждёт войско приказ атамана.

Выходит наутро на берег Ермак,
Качает баркасы низовка.
Вдруг видит, да что это? Так и растак!
Торчит из-под килия верёвка.

Схватил за верёвку, а тама – ужак.
Прикончить хотел было гада,
Уже размахнулся, вдруг слышит: – Казак,
Не бей меня оземь, не надо.

Тебе пригожуся я, слово даю,
Иначе лежать мне убиту.
Но ты обещаю, что ужачью семью
Возьмёшь под казачью защиту. —

– Уймись, непоседа, не трогай клюку!
Что дале? А дале побачим!
Так вот, обратился ужак к Ермаку
На гуторе чистом казачьем.

– Кучум сговорился с каганом мышей
На гадкое, подлое дело:
Хотят казаков утопить в Иртыше,
Не тратя ни войска, ни стрелы. —

Ермак подивился: – В уме ли ты, гад?
Что, мыши грозятся войною?!
Да я миллион растопчу их подряд,
Смеёшься, поди, надо мною? —

– Какие насмешки? В открытой борьбе
Побьёшь их несметное рати,
А в хитрости, в подлости, а в ворожбе?
Об этом подумал бы кстати.

Скажи, атаман, чтоб твои казаки
Проверили каждое днище.
Всю ночь работали мыши полки
И дырок наделали тыщи.

Вы все бы утопли под буйной волной,
Когда бы не наше семейство.
Мы щели заткнули надёжно собой,
Проведав такое злодейство. —

Ермак не поверил: – Однако, дела!
Кому рассказать – обсмеются! —
Но глядь – из-под лодий ужачьи тела
Нагайками тёмными вьются.

– Вставайте, робяты! Не время дремать!
У нас ноне дел выше крыши.
Давай-ка по новой суда конопать,
Щелей понаделали мыши.

Спасибо ужу и евойной родне,
Хучь он и змеюка ползуча,
Но кабы не он, то сегодня на дне
Лежать бы нам все неминуче.

И вот, в благодарность я сделаю так:
От ядом наполненной сапы
Отныне ужа отличит и казак,

И даже дурные кацапы.

Да будут вот тут, где коснутся персты,
Два пятнышка желтого цвету!
По этой отметке узнают братья,
Что яда и зла в тебе нету.

Обман супротивник умыслил. Шалишь!
Ужи оказали подмогу.
Теперь нам не страшен холодный Иртыш,
И к цели дойдём, слава Богу.

Садитесь на вёсла! Нам рано на дно,
Пора разобраться с Кучумом.
Мы подлого хана побьём заодно
С мышинным его односумом! —

С той давней поры и даны ужаку
На шею приметные пятна.
Пущай он и гад, но не враг казаку.
Тебе энто, хлопче, понятно?

Он меткой особой отличен от змей
Самим Ермаком-атаманом.
Ужа забижать, коли встренешь, не смей,
Не то угощу плетюганом.

Завет Коляды или откуда пошли казаки? (по мотивам «Казачьих сказок»)

Про стародавние года
Поют Бояна струны:
Небесный Батька Коляда,
Сын Тарха, внук Перуна,

С Небесной Матью Даж-землёй
В пылу любви горячей
Родили ночью грозовой
Свободный люд казачий.

И Батька выделил сынам
По случаю рожденья
На вековечны времена
Обширные владенья.

– Вот это – ваш родной Присуд.
Запомните, отныне
Вам обитать пристало тут,
Не мысля о чужбине.

Идти отселева не нать,
Но всей своею мощью
Вы степь родную защищать
Должны и днём и ночьюю.

А на сторожу, в помощь вам,
Характерные чада,
Пожалуй, дядьку Хорса дам,
Он подсобит, коль надо.

Пошлю умений на труды,
И мастерства, и хваток,
Чтоб вы не ведали нужды,
Был в куренях достаток.

Чтоб токмо через общий круг
Считалось решенье,
И принималось без наруг
Моё благословенье.

И были б, Батькины сыны,
Вы света сторожами.
И все поборники войны
Дрожали бы пред вами.

И видя кривду, подлость, грязь,
Усобицы и злобы,
Вы меж собою неприязнь
Не допускали чтобы.

И чтоб от Матери-земли
Грядущему в угоду
Вы перенять себе могли
Любовь к людскому роду.

Таку червону! Дажедь нет,
Багряну, аки сполох
Небесный! Вот вам мой завет.
Да будет век ваш долг!

Казак и Судьбина (по мотивам «Казачьих сказок»)

*«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?»*

А. С. Пушкин «Песнь о Вещем Олеге»

I

Казак молодой на ретивом коне
Покинул родную станицу,
Решил попытаться в чужой стороне
Поймать свою Синюю Птицу.
Немало успелось проехать ему,
Пока на пути он увидел корчму.

«Вот это и нужно сейчас для меня!» —
Воскликнул казак: «Слава Богу!
Ждёт сытный обед седока и коня,
А вечером снова в дорогу.
Ступай, Воронок, под навесом в тени
От жаркого солнца чуток отдохни».

И только казак уместился за стол,
Попробовал первое блюдо,
Старик седовласый к нему подошёл,
Явившись незнамо откуда.
«Садись, угощайся, почтенный отец» —
Приветствовал старца донец-молодец:

«Кулеш не остыл ещё, прямо с огня.
Я позже поем. Помоложе.
Да мы с тобой, часом, скажи, не родня?
Обличием трошки похожи».
И старец ответил, усмешку тая:
«Почти угадал. Я – Судьбина твоя».

На старца внимательно смотрит казак —
Лик в шрамах, согбенные плечи,
Из мутного глаза точится слеза,
На теле следы от увечий.
Неужто мой жребий таков на веку?
И боязно стало в тот миг казаку.

Старик засмеялся: «Гляди, брат, гляди.
Ты видишь Судьбину казачью.
Печали и горести ждут впереди,
А вовсе не Птица Удачи.

Послушай совета, соколик ты мой,
Садись на коня и вертайся домой».

Поехал казак, чтоб не лезть на рожон,
Обратно дорогой знакомой,
Но мыслил: «Я ПУТЬ СВОЙ изведать должен,
Не будет покоя мне дома».
И снова, коня повернувши назад,
Туда поскакал, куда очи глядят.

II

Сколь минуло лет, нам и знать ни к чему.
Но, скорую чуя кончину,
Задумал казак посетить ту корчму,
Где встретил когда-то Судьбину.
К заветному месту примчался скорей,
Глядит, а старик уже ждёт у дверей.

Уселись, по чарочке взяли на грудь
За встречу (а как же иначе?).
– Ну что, убедился? Досталось хлебнуть
Несчастий, упрямый казаче?
«По-разному было: и эдак, и так» —
Судьбине отвечивал старый казак.

– А что, неужели ни разу тебе
На ум не являлись догадки,
Что если бы жил ты покорно судьбе,
То был бы здоров и в достатке?
Ответил казак, как ударил мечом:
«Нет, я не жалею, отец, ни о чём!»

Судьбина пытается: «Могу тебе дать
Возможность начать всё сначала».
Подумал донец и ответил: «Не нать!
Менять ничего не пристало.
Я прожитой жизнью доволен вполне
И шляха другого не надобно мне».

А люди гадают: «Поди близнецы?
Гляди, как похожие лица!
Откуда явились сюда пришлецы?
Кубыть, не из нашей станицы».
А «братья» пыхнули духмяной махрой
И выпили дружно по чарке второй.

«Чему усмехаешься, ну-ка скажи?» —
Судьбина промолвил сурово:
«Коль есть на душе что, открой, не держи

Внутри своё дерзкое слово.
С чего веселишься? Чай, близок конец».
Судьбине ответил с улыбкой донец:

«Был давеча тусклым огонь твоих глаз,
А ныне он ярко лучится.
Вот, я и смекаю, что жизнь удалась,
Попалась мне Синяя Птица.
Хучь стар ты годами, а взор кугаря.
И значится, землю топтал я не зря».

И молвил Судьбина: «Воинственный пыл
Ни шашкой не сбить, ни нагайкой.
Ты прав, казарлюга, по совести жил.
По третьей за волю давай-ка!»
На этом я сказку кончаю, сынки.
И слава те, Боже, что мы – казаки!

Как казак на том свете гостил (по мотивам казачьих сказок Андрея Белянина)

I

В германскую история занятная
Случилась (я слышал от старика) —
В атаке вражья пуля беспощадная
Сразила удалого казака.

Умчалась сотня грозною лавиною,
Вдали затихли звуки, голоса...
А казака душа его покинула
И вознеслася вверх, на небеса.

Глаза открыл казак – дай силы, Боже, нам! —
Повсюду облака, не видно край.
Плетнём высоким что-то огорожено,
Ворота и табличка «Тута рай».

А у ворот с ключей огромной связкою
Сам Пётр стоял в накидке без погон,
Лишь шаровары с красными лампасами
Виднелись, где кончался балахон.

– Ну, что, казаче, радуйся спасению!
Ведь кто за Дон и веру пал в бою,
По нашего Отца распоряжению,
Тот заработал право жить в раю.

– От праздной жизни пропаду я пропадом,
Без службы мне не выдержать и дня.
Ты, мил-апостол, побеседуй с Господом,
Пущай подыщет чё-нить для меня. —

Святой привратник пыхнул самокруткой
И так сказал, ворочая ключом,
– Найти в раю работу дело трудное,
Иди и сам узнаешь, что почём.

Поддерживай порядок, экологию,
Чтоб души не грешили втихаря,
Молились, вечно помнили о Боге и...
Не приставай к Всевышнему зазря.

Короче, разберёшься сам на местности.
– Свобода, нычит? Ладноть, коли так. —
И в путь навстречу райской неизвестности

Отправился отчаянный казак.

II

Вот, подошёл к окну однажды Господи
И ахнул – Что такое, так-растак?! —
Внизу, на самой главной райской площади,
Шермиции затеял им казак.

По праву руку души тычут пикою,
По леву рубят шашками лозу,
А там святые верхи, громко гикая,
Бесстрашно джигитуют на базу.

В казачьей справе ангелы крылатые
Играют «Православный тихий Дон»,
И громовыми грозными раскатами
Разносится их мощный баритон.

И каждый херувим горит желанием
Казаться настоящим казаком,
Поскольку те, в ком не было старания,
Отсвечивают свежим синяком.

На кулачках решили силой мериться,
На стенку стенка движется волной.
Того гляди, возьмут, да вознамерятся
Всей армией на ад идти войной.

– Да что же происходит здесь, на площади?
Кто за базар ответит, наконец?!
И кто гарцует под окном на лошади? —
Воскликнул озадаченный Творец.

А после кулаком как стукнет по столу,
– Кому сюды напрасно пропуск дан?!
– Казак – виной! – ответили апостолы
– Устроил тут из рая нам майдан.

– И что, выходит, энти безобразия
Возникли тут по милости донца?
Да чтоб у вас всех очи повылазили!
Отправить срочно в пекло наглеца! —

А что казак? Геены не боится ли?
Как говорится, черт ему не брат!
Поправил чуб, усы и амуницию,
И зашагал из рая прямо в ад.

III

Увидев казака в своём владении,
Нечистый засиял, как пяточок.
– Я – говорит, – горю от нетерпения
С тобою поквитаться, казачок.

Для гостя дорогого, слуги адовы,
Несите дров побольше и угля,
А слушаться речей его не надо вам,
Как брѣхней кобеля иль москаля.

Помучьте казака, страшиться нечего.
Пущай кипит и булькает смола,
А я вернусь сюды попозже вечером,
Проверю, как у вас идут дела.

Вернулся сатана глубокой ночью
И видит он, что сосланный донец
Всех дьяволов, чертей и нечисть прочую
По аду загонял уже вконец.

– Давай живее, племя свинорожее!
Сварить меня? Ага, держи карман!
Костѣр разжечь как следует не можете.
Не я у вашей сотни атаман.

А черти, от усталости хрипящие,
Снуют, на плечи свесив языки.
Ни разу им, рогатым, настоящие
В котѣл не попадались казаки.

И в местном медицинском отделении
С инфарктом слѣг уже не первый бес,
А трое написали заявление —
Отправить их работать в РАЙсоБЕС.

И сатана сказал себе – Отличненько!
Вопрос поставлен, типа, выбирай:
Всѣ пекло дальше мучить со станичником
Иль отпустить его обратно в рай?

Ответ понятен каждому: амнистия! —
И вот, спустя буквально полчаса,
Донца отмыли черти и отчистили,
И указали путь на небеса.

IV

И что с тобою делать? – мыслил Господи —
Не в рай же пропускать опять назад.
Ты дулю сатане поднёс под нос, поди.

Не зря тебе возврат оформил ад.

Казак в ответ с улыбкою потешною
Сказал – Отец небесный, выход есть.
Верни на землю в тело душу грешную,
Делов там у меня – не перечеть.

Ты видишь? Не ступилась шашка вострая.
Ты слышишь? Не закончилась война.
И ждут меня живым маманя с сёстрами,
И ждут ишо детишки и жена.

Дозволь мне погулять в степи пока ещё,
Хочу напиться волей на века.
А как найдёшь душе моей пристанище,
Так я приеду, слово казака!

Всевышний усмехнулся – Что же, вроде Нам
Решенье подсказал ты, хитрован.
Ну, ладноть, оживай, скачи на родину.
Считай, что энто главный твой дуван.

И сразу же по милости Создателя
Казак наш очутился на земле
В кругу своих станичников-приятелей
Живой, здоровый, с шашкой и в седле.

Узнали люди Божье Откровение,
Усвоили Божественный Завет,
Что казаку донскому по рождению
На свете том для жизни места нет.

И смерть теперь для нас не дуже страшная,
Коль места нет ни в пекле, ни в раю.
А место на коне, да с верной шашкою,
И слава – пасть за родину в бою.

Так неча зря судьбу переиначивать,
Чего не миновать, тому и быть.
Но переводу роду нет казачьему!
И любо, братцы, любо, братцы, жить!

Кот али кат? (по мотивам «Казачьих сказок»)

Не надо, унучек, трепать языком.
Не знаешь – спроси у дедани.
Не мог быть Котовский лихим казаком,
Поскольку он был молдаванин.

Да мало ль, што брешут твои друзяки!
Ты уши развешивай боле.
Они дажедь Путина к нам в казаки
Запишут, коль дать трошки воли.

Название станицы увидел, кубыть,
Смикитил своё, торопыга.
Да только ни цепь, ни верёвка, ни нить
Не свяжут Хопёр и комбрига.

Ты в байку любую поверить готов.
А знаешь, кужонок, што ране
Водилась в том займище уйма котов?
Оттеля пришло и название.

Не веришь? От то-то! Обиделся, чай?
Смахни-ка слезинку с ресницы.
Поближе на лавку седай, не серчай.
Я правду скажу о станице.

Ну, слухай. Название маненько не так
Писалось в давние годы.
По слову царёву свезли в те места
Из разных сторон воеводы

Мучителей-катов, зверюг-резаков.
Зачем? Не для добрых занятий.
Для пыток и казней простых казаков,
А вовсе не воров и татей.

Войсками подавлен был бунт на Хопре,
И взялись за нашего брата.
Когда энто было? Как раз при Петре,
Восстание батьки Кондрата.

Работы для катов там было полно,
Пришлось палачам потрудиться.
Пытали, рубили, пускали на дно,
Лилася кровя, как водица.

И всё продолжалось, соколик ты мой,
Без малого цельных два года.
Семь тыщ казаков обрели упокой
В хопёрских стремительных водах.

Хучь вейся верёвка – конец настаёт,
И вот уж почуяли каты:
Мятежников нет, и для них нет работ,
А значит не будет и платы.

Ить ране с замученной каждой души
Они от царёва вельможи
Всегда получали исправно гроши.
Пущай небольшие, но всё же.

А ноне расклад-то совсем не таков,
Не купишь ни хлеба, ни сала.
Ить денег нема, коль не рвёшь казаков,
А брюхо снедать не устало.

Пришли к воеводам тады резакИ
И слёзно заплакали каты:
– Вернуться нам дайте от энтой реки,
Отправьте обратно до хаты.

Работы нема, так и денег нема.
Вон, мается сколько народу.
Нихто ить не хочет кормить задарма.
Отправьте домой, воеводы! —

А те посчитали, во сколько казне
Аукнутся энти затраты:
Провоз, да прокорм и решили: – Ан нет!
На месте останутся каты.

Пущай позабудут своё ремесло,
Освоят помалу землицу,
Поставят со временем тута село,
А лучше казачью станицу.

Вот так-то и сели тады резакИ
Станицей, и люди вначале,
Прознав, што за новые там казаки,
Катовской ея величали.

В округе гутарили, коли казак
Приписан к станице Катовской,
Сие означает – он тать и варнак,

И род его дюже хреновский.

Потом постепенно лихие дела
Станичников первого круга
Степная метель навсегда замела,
Засыпала снежная вьюга.

За годом вослед устремляется год,
И катится лет колесница.
Со временем «Кат» заменилось на «Кот»
В названии этой станицы.

Сто лет миновало, и вот уже там
Во славу казачьего рода
Котовцы поставили каменный храм,
Вернувшись домой из похода.

Ишо сотня лет пронеслась над Хопром,
Исчезла вдали без возврата.
И храм, возведённый народным добром,
Разрушили новые каты.

Век нынешний, третий помчался в намет,
И финиша близится лента.
Теперь не ведаю: «Кат» али «Кот»
Уместней в названии этом.

Давай, соколёнок, взрослей поскорей
И помни о главной задаче,
Штоб не было катов в станице твоей,
Штоб род не пресёкся казачий.

Лебяжий остров (по мотивам сказки кубанских казаков)

В куширях, в камышах схоронившись хитро,
Первый раз шёл в разведку по плавням Петро.

Чёлн турецкий девчата видали не зря,
Вон, в протоке, с тревожными криками «Кря!»

Стая уток вспорхнула. Засада! Враги!
«Берегись!» – шепчет чакан – «Обратно беги!»

Но бежать не позволит душа казака,
«Попытаюсь я взять-захватить языка.

Перед всеми похвалит меня атаман —
От, Петро, молодец! Обдурил басурман!

Сам малой, ну а пленный – бугай, большерук.
Вишь, как булькамы зыркает, башибузук!»

Так, мечтая, как слава ероя найдёт,
Наш разведчик побрёл осторожно вперёд,

Вострой саблей легко раздвигая камыш.
Вдруг удар по потылице... темень да тишь.

* * *

«Ну, казак, где залого у вас? Не таи.
Коль ответишь, то все эти деньги – твои.

А не скажешь, так будешь висеть до поры
На осине, пока не зажрут комары» —

Толстый турок с усмешкой глядел на Петра.
Этот взор не сулил никакого добра

Молодому попавшему в плен казаку,
Что висел на аркане пред ним на суку.

Ни полслова Петро не промолвил в ответ.
Он-то знал, что надежд на спасение нет.

Лютой смерти над ним занеслася рука,
Но ничто не могёт покорить казака

И заставить друзей своих верных предать.

Ить, покуда в опасности Родина-мать,

Будет сердце казачье, как твёрдый булат,
И смертельные муки его не смягчат.

Оглянулся Петро на знакомый курган
И увидел, как солнце спускалось в лиман.

Где-то там, за курганом, в станице сейчас
Ждёт маманя сынка, не смыкаячи глаз.

Ждёт Маруся невеста, почти что жена.
Эх, сыграли бы свадьбу, да сука-война...

Рази можно в тот край за Кубанью-рекой,
Где родился, где предки нашли свой покой,

Туркам путь указать, не сгорев со стыда,
До родного гнезда? Ни за что! Никогда!

А пузач улещает: «Ты – храбрый казак,
И на век твой победных достанется драк,

А разок проиграть никому не страшно.
Да и вызнать секрет мы смогём всё равно.

Ить Аллах тебя в руки нам дал неспроста,
Чтобы шлях показал ты в родные места.

Пожелай он победы твоей стороне,
Был бы я сейчас связан, а ты на коне.

Посмотри, вот кошель, в нём монеты звенят.
Покажи нам залого и будешь богат.

Хоть ты молод годами, но, вижу, толков.
Станешь важным пашою среди казаков.

А не скажешь... Аркан свой сниму я тогда,
Когда твёрдою станет вода ото льда,

Когда мух снеговых налетит белый рой.
Только ты не увидишь их, глупый герой.

Тебя высушит солнце и высосет гнус,
Но пощады не будет, Аллахом клянусь!»

У Петра голова наливалась свинцом,
Он на турка смотрел с потемневшим лицом.

Резал руки верёвки тугой перехват
И стучало в висках: «Я подвёл. Виноват!

Опоил меня призрачной славы дурман,
Я не выполнил дела. Прости, атаман.

Зря в лесочке густом у излучья реки
Ждут меня из разведки друзья-казаки».

Толстый турок прищурился, сузив зрачок:
«Ну, так что, не раздумал молчать, казачок?»

Тот, сухим языком проведя по губам,
Покачал головой, мол, секрет не отдам.

«Ты, казаче, наверно сдурел от жары?
Но помогут язык развязать комары.

Утром, хочешь не хочешь, секрет нам отдашь» —
Прошипел басурман и полез в свой шалаш.

* * *

Солнце ниже и ниже спускалось в лиман,
Над землёй расстилался белёсый туман,

В этот вечер закат был кроваво-багров,
И звенела победная песнь комаров.

Распознали, подлюки, насколько сладка
И приятна горячая кровь казака.

Дружно взялся за дело безжалостный гнус,
И всё тело горело, как общий укус.

«От, проклятые вороги!» – думал казак —
«Лучше сразу бы вбылы, не мучили так».

Только турки храпят в шалашах до утра,
И им дела нема до мучений Петра.

Он просил: «Хоть бы дождик меня освежил,
Остудил лихоманку искусанных жил».

Но ни облачка нету на небе ночном,
Лишь вдали что-то движется тёмным пятном.

«Ой, Кубань!» – он молился – «Ой, ридна река!
Поможи же мэни, защити казака!»

Нет ответа, а ветер донёс до ушей
Моноotonно-печальную песнь камышей.

Смежил веки Петро, выжав слёзную соль.
Забытьё и дремота ослабили боль.

* * *

То не звон комариный, не шум тростника,
Шелест волн ото сна разбудил казака.

Будто на ухо шепчет: «Казаче, поглянь,
Вон идёт наша гарныця дева Кубань».

На невесту Марусю похожа чуть-чуть,
Только косы волнами струятся на грудь,

Мудрость плещется в серых бездонных глазах,
Да запутался месяц в густых волосах.

– Значит, ты услышала, что ты мне нужна?
«Услышала, Петруша», – шепнула она.

Ты запомни, что горе твоё – не беда,
Ить защитник земли не умрёт никогда.

И не бойся, коханный, теперь ничего».
А студёные руки ласкали его.

Свежей влагою ветер лицо окропил,
И губами казак её жадно ловил.

* * *

А наутро прохлада окутала лес,
Мелкий дождик на землю струился с небес,

Казака не палил изнуряющий зной,
И он бодрый очнулся от дрёмы ночной.

Толстый турок, зевая, покинул шалаш
И спросил у Петра: «Что решил, делибаш?»

Будешь первого снега тут ждать на суку
Или звон золотых всё ж милей казаку?»

Долго шутке смеялся, держась за бока,
А потом заглянул под откос бережка.

Вдруг от ужаса турок стал белым, как мел.

Он, упав на колени, на миг онемел,

А потом закричал, указуя на берег:
«О, великий Аллах! Да откуда тут снег?!

Он гяурам на радость, а нам на беду,
Но я воли твоей супротив не пойду».

Басурманин из ножен достал ятаган
И от страха дрожа, перерезал аркан.

– О, великий Аллах! Твоя воля – закон.
Я неверным сдаюсь вместе с войском в полон.

Коли дал нам Аллах удивительный знак,
Мы готовы идти за тобою, казак.

Вот гора ятаганов, пистолей и стрел.
Мы связались арканом, как ты повелел. —

– Что такое? При чём тут турецкий Аллах?
Может быть, мои друзья спешат на челнах?

И какой же шайтан напугал басурман,
Что, вон, даже паша бросил свой ятаган? —

Посмотрел под откос удивлённый Петро.
Снегом берег блестит, что твоё серебро.

– Вот те на! За меня заступилась Кубань.
Снег не мог пасть на землю в такую-то рань. —

В этот миг из-за серых насупленных туч
Путь пробил себе радостный солнечный луч.

Следом солнце лиман осветило сполна,
И качнулась внезапно снегов пелена.

Белоснежные льдинки, скользнув по воде,
Обратились в сотни гусей-лебедей.

Стаи вверх поднимались, роняя перо.
«Это ж птицы, не снег» – догадался Петро.

И повёл своих пленных туда, где челны
Безмятежно качались на гребне волны.

* * *

Ну, а тот островок на лимане с тех пор

Прозывают «Лебяжым», таков уговор.

И не дай тебе, Боже, коль кто из людей
Вдруг замыслит обидеть гусей-лебедей.

Легенда о Белом Олене (по мотивам «Легенды об Оленях» П. С. Полякова)

I

В глубине седых веков на Донском раздолье
Дал Господь для казаков степи в Диком Поле.
И на вечны времена в знак благоволенья
Он послал своим сынам Белого Оленя

С тем, чтоб люди никогда ни в словах, ни в деле,
Зверю доброму вреда учинять не смели.
Так и жили много лет предки миром-ладом,
Чтя Божественный Завет, с круторогим стадом

По законам вольных птиц, без вражды и злости.
Но однажды у границ появились гости.
– Хто такие и откель протоптали тропы?
– Мы из северных земель беглые холопы.

Там у нас боярский гнёт крепнет год от года,
Лютый царь как воду пьёт кровушку народа.
Казни, лязганье оков, страшная картина...
Стоят жизни мужиков меньше, чем скотина.

Ох, не стало нам житья никакого боле,
Вот, и в дальние края мы пошли за волей.
Где могучий Дон-отец катит полны воды,
Вкус познаем, наконец, счастья и свободы.

В ноги падаем донцам – Сжальтесь, добры люди,
Дайте бедным беглецам землю на Присуде.
Не гоните, казаки, нет назад дороги.
Ведь у Дона, у реки места хватит многим. —

И казачий круг решил, что своей землицей
От щедрот донской души можно поделиться.
– Что же, ладноть, в добрый час! Место есть покуда.
Оставайтесь промеж нас на земле Присуда.

Но от рабского клейма отвыкайте, братцы.
С Дону выдачи нема, нечего бояться.
Нет невольничьих цепей, каторги, острога.
Обживайтесь средь степей, поминайте Бога.

II

День за днём, за сроком срок пролетали годы.
Не слабел донской поток, не мелели воды.

Ночка близилась к концу, звёзды в небе стыли,
К атаманскому крыльцу на кобыле в мыле

Прискакал да не казак, не донец весёлый,
А насупленный вожак беглых новосёлов.
– Слушай, батько, дело есть, объявляй тревогу.
У меня худая весть. Я прошу подмогу. —

По призыву на майдан собралось народу.
Вышел пришлый атаман, поклонился сходу.
– Со своих уйдя земель, с казаками вместе
Мы живём, но и оттель получаем вести.

И сейчас наш край родной покорён жестоко,
На него пошли войной полчища с востока.
Всех, кто молод и силён, из родимой хаты
Забирают в свой полон вражки супостаты.

Бьют детишков, стариков, храмы жгут, иконы...
И рекой струится кровь, и стекает к Дону.
Рушат древние кресты в городах и сёлах.
Помогите нам, братья, объявите сполох.

В этой праведной борьбе с врагом по праву
Вы стяжаете себе воинскую славу.
Долго думали донцы и решили: «Любо!»
И заржали жеребцы, заиграли трубы.

Бьются в дальней стороне ради дутой славы
И в чужой для них войне падают на травы.
Ну, а дома вой, да рёв, вдовы, да ребята.
Без отцов, да без мужьёв жито не дожато.

На Присуде мор и глад, чёрными ночами
Хутора на степь глядят мёртвыми очами.
Даже если вой-герой приходил с увечьем,
Угощали лебедой... Боле было нечем.

III

Хтось от голода забыл Божье повеленье
И стрелою завалил Белого Оленя.
Только сели жарить плоть, всюду потемнело,
И сказал с небес Господь – Злое вышло дело.

Дон был даден казакам и донские степи,
Чтобы жили вы века в этом благолепии.
Вы ж ушли с родной земли против Божьей воли,
Славу брэнную нашли там на бранном поле.

И когда же глад затряс ваши поселенья,
Погубили, убоясь, Моего Оленя.
Здесь, над степью, над рекой, принял Я решение:
Павшим воинам – покой! Нет живым прощенья! —

Чёрный вран свои крыла вскинул, словно руки,
И легла на землю мгла, и утихли звуки.
Нет сияния зарниц, потянуло тленом,
Казаки упали ниц в ужасе священном.

Вдруг раздался детский писк, вслед другой, ... десятый...
Горький плач пробился ввысь, в Божии палаты.
И Всевышний услышал в тонком детском плаче,
Что невинных наказал за грехи казачьи.

Поднял лик Господь в слезах светлыя печали,
И от слёз на небесах звёзды засияли.
Солнца пламенный венец тьму рассеял сразу
И решил простить Творец чад своих проказу.

– Вам реку еще одно Божье откровенье:
Много крови суждено зря пролить в сраженьях.
Да и слуги сатаны будут всяко-разно
Вас толкать в круги войны, да пытаться соблазном,

Путать с верного пути, и наступит время,
Выбьют вороги почти всё донское племя.
Но не будет казакам Моего прощенья,
Не придут сюда пока новые Олени.

Чтоб не скрылся судный день дней других золою,
Дам вам герб, а в нём Олень, раненный стрелою.
Пусть запомнят казаки новых поколений —
В этом знаке и грехи, и залог спасений.

Там, где зверь мой был убит, дол залив рудою,
Нынче озеро вскипит чёрною водою.
И когда в урочный час воды станут сушей,
Это будет знак для вас – прощены все души.

Легенда о Волге и Доне
(по мотивам книги В. Моложавенко
«Тайны донских курганов»)

I

В стародавние года
Дело это было.
Волга-матушка тогда
К морю путь торила.

По полям, да по лугам,
Сквозь леса да рощи
Шла к Хвальнским берегам,
Набираясь мощи,

Наливаясь красотой,
Через плёсы, выри,
С каждой пройденной верстой
Становясь всё шире.

Отдохнуть легла она
Как-то близ яруга
И взгрустнула – Всё одна,
Нет милОго друга.

Вроде обликом красна,
Кто со мной сравнится?
Вон как вольная волна
Пенится, искрится!

Здесь нежна я и тиха,
Там сильна в быстрине...
А поди ж ты, жениха
Нету и в помине.

– Сёстры, Кама и Ока,
Может на примете
Богатырская река
Есть у вас? Ответьте!

Не виляйте ручейком,
Говорите прямо.
– Не слыхала о таком —
Отвечала Кама.

А Ока сказала – Ах,

Как ты угадала?
Я недавно во степях
Молодца видала.

И красив он, и могУт,
С вольной волей дружен.
Дон Иванычем зовут.
Тот, кто тебе нужен.

Ты пошли свой молодняк
В те края, сестрица.
Пусть узнают что да как,
Может пригодиться.

II
Волга рано поутру,
Не тяня бодягу,
В степь отправила Суру,
Вместе с ней Свяягу

Вслед за Доном походить,
Погулять по свету,
Что унают – доложить
Мамке по секрету.

Путь проделала Сура
По степи недолгий,
С Доном спугала Хопра
И вернулась к Волге

– Нет, маманя, не бывать
Дону Вашим мужем.
Ведь у Вас такая стать!
Он намного уже.

Неширок и неглубок,
Норовом спокойный.
Вам же надобен поток,
Ваших вод достойный.

А Свяяге лень искать
Реку незнакомому,
Попутляла и опять
Потекла до дому.

– Волга-матушка моя
И Сура-сестрица,
Исходила степи я
Ажно до границы.

А добравшись до конца,
Двинулась в начало,
Но ни Дона, ни Донца
Так и не встречала.

III

– Да, от дочек неча ждать
Исполненья долга.
Сразу видно – дурят мать. —
Догадалась Волга.

– А Ока-то не соврёт!
Я ж сестрицу знаю.
Сделать что ли заворот
Мне к степному краю?

Там земля, поди, мягка,
Мёдом пахнут травы... —
Так подумала река
И свернула вправо.

А в степи жара да зной
С самого рассвета.
Тёмной тучки ни одной
Нет с начала лета.

Солнцем плавится земля,
В небе ворон-птица,
Только речка Иловля
В ковьях струится.

Да Медведица-краса,
Да Хопёр-войка —
Дона родичи. А сам,
Где же он, однако?

Волгу высмотрел Хопёр
Возле переката
(У него, чай, глаз востёр!),
И бегом до брата.

– Дон Иваныч, будь готов
Гостье течь навстречу,
Сладим свадьбу без сватов
Здесь, на междуречье.

Всколыхнулся Тихий Дон,
Получив известье,

И направил волны он
К будущей невесте.

Так спешил ей поднести
Вод казачьих чарку,
Не заметил на пути
Речку Богучарку.

Придавил её слегка,
Притоптал немножко.
Ну, дык, с этих пор река
И осталась крошкой.

IV

А у Волги, без брехни,
Окромя двойняшек,
Было множество родни,
В том числе племяшек.

И одна из них река
(Ахтубой прозвали)
Тётку стала допекать,
Мол, в степные дали

Той ходить никак нельзя
По чужим дорогам.
У неё своя стезя,
Заданная Богом.

Бег у Волги чуть утих,
Вспомнились адаты.
А племяшка – Где ж жених?
Каб мила была ты,

От любви без ума
Рядом был бы ныне.
Что ж ты рыскаешь сама?
Где твоя гордыня?

Слово за слово, и вот
Волга понемногу
Вновь свершила поворот
На былу дорогу.

Ко Хвалыни на рысях
Двинулась, как прежде,
Крест поставивши в слезах
На своей надежде.

Дон, узнав про сей каприз,
Осерчал и с горя
Повернул и двинул вниз,
В Сурожское море.

Так на долгие века,
Словно бы кордоном,
Волга-матушка река
Разлучилась с Доном.

Легенда о донском цветке-бессмертнике (по мотивам легенды донских казаков)

I

Давно это было, в лихие года
На Дон налетела с востока орда,

Прошла по Присуду с мечом и огнём,
Хлеба потоптала монгольским конём,

Поля окропила казачьей рудой,
Связала невольников крепкой уздой,

Разрушила храмы, сожгла городки
И в степи вернулась от Дона-реки.

А вслед за ордой от свово куреня
Плелись полоняне, судьбину кляня.

Ох, много донцов той далёкой весной
Узнали про вражий аркан власяной.

II

У Марьи-казачки монголы родню
Забрали с собою в полон на корню —

Любимого мужа и сына-мальца,
И дажедь почтенного старца-отца.

Спалили избёнку, порушили баз,
Она, же в леваде укрывшись, спаслась.

Ох, как горевала, оставшись одна,
Уж лучше б с семьёй бедовала она!

Потом порешила, что будя кричать,
В Орду ей дорога, родню выручать.

Отвесила Дону прощальный поклон
И двинулась прямо в ордынский полон.

Нелёгко и долог был путь у неё,
Безлюдные степи, не встретишь жильё.

Достались казачке и холод, и зной,
И голод, и жажда, и волчий конвой.

Она шла вперёд, разбирая следы,
И так через год добрела до Орды.

Оборвано платье, обувки нема,
Зияет прорехой пустая сума,

Тоща, что и мёртвый глядится живей,
Но всё же добралась до цели своей.

III

Марию доставил в шатёр караул,
И хан на неё с интересом взглянул:

– Чего тебе, женщина? Кто ты? Откель?
Зачем ты пришла? Какова твоя цель?

– Ты зришь пред собою казачью жену,
Супруг мой и чадо в ордынском плену,

Родитель мой с ними, я так их люблю!
О, хан, отпусти их на волю, молю!

А коли непустишь, бери меня вслед.
Мне жизни на воле без родичей нет.

И хан ей сказал: – Ты смела и горда!
За то, что решилась добраться сюда,

С тобой отпустить я могу одного,
Того, кто дороже, милее всего.

Мария задумалась, спала с лица
И, глядя сквозь слёзы, сказала: – Отца!

Воскликнул правитель, услышав ответ:
– Подумай, отцу твоему много лет!

Он пожил на свете, казачка, к тому ж
С ним рядом томятся твой сын и твой муж.

Погибнут в неволе, вдали от Руси.
Не хочешь супруга, хоть сына спаси!

Мария сдержала рыданье в груди:
– Ты мыслишь, что баба рехнулась, поди?

Тяжел этот выбор, но сам посуди,
Ведь я молода, и вся жизнь впереди.

Я с помощью Божьей на этом пути
Смогу себе нового мужа найти...

Вновь сына рожу – буде воля Творца,
Но кто мне заменит родного отца?

IV

Внимательно выслушал женщину хан
И нукеру крикнул: – Скачи за шихан!

В степи средь привычного всем ковыля
Цветок необычный взрастила земля,

Сиреневый цвет, как в Ононе вода.
Найди и сорви, и немедля сюда!

Вернулся посланник, доставил цветок,
И хан, протянув его женщине, рёк:

– Твой мудрый ответ оценить я сумел
И выполнить просьбу твою захотел.

Ты с этим цветком походи по Орде,
Искать своих близких с ним можешь везде.

Но помни, для поиска выделен срок,
Пока не завянет, не сгинет цветок.

Найдёшь их – до дома дорога пряма,
А нет, не взыщи, оставайся сама.

Загадка таилась в его словесах,
И тлела улыбка в раскосых глазах.

Взглянула казачка, лишь молвила: – Ах!
И высохли слёзы на впалых щеках.

Отвесила хану поклон – Исполать!
Спасибо за милость! Пойду их искать.

Предчувствием встречи с родными полна,
С цветком по Орде зашагала она.

Сияли глаза, как над Доном рассвет.
А хан ещё долго смотрел ей вослед.

V

Бессмертником кличут цветок на Дону,
Имеет он тайну-загадку одну.

Ить, как утверждает казачья молва,
Он может не вянуть не день и не два,

Неделю и месяц, кубыть даже год,
Бессмертник сиреневым цветом цветёт.

VI

А кто из потомков казачьих родов
Сейчас, как Мария, на подвиг готов?

А ежели выбор предложат такой,
Кого мы возьмём на свободу с собой?

И даст ли нам кто на пороге беды
Бессмертник иль даже хучь кружку воды?

Надеяться, вдруг да придёт мудрый хан?
А може, не ждать? Подскажи, атаман!

Легенда о запорожцах

I

Порог Ненасытец гудел и стонал,
Днепровские волны бурлили,
А дед Опанас у костра вспоминал
Казачьи легенды и были.

– Когда это было? Не помню, сынки.
Видать, в летописцы не гош я,
Но славно гуляли тогда казаки
В ковыльных степях запорожья.

Народ был бедовый, отважнее льва!
Красивы, дородны и статны.
Их конное войско завидев едва,
Враги убегали обратно.

Казак ить, ребятушки, с ним не шути!
Он, время не тратит на речи,
На бой не сробеет один к десяти
И выйдет с победою в сече.

Ни девок, ни жёнок (тут каждый – бобыль),
Ни чад голосащих, тем боле.
Лишь небо, да Днепр, да высокий ковыль,
Да воля, бескрайняя воля!

Оружие в яхонтах, яркий жупан,
Конь-ветер, что вскачку стремится.
Казак запорожский – он сам себе пан,
Свободная, вольная птица.

И все их боялись, они ж – никого,
И нехристей били нещадно,
Чтоб впредь до днепровских крутых берегов
Тем было ходить неповадно.

По водным просторам, не зная преград,
Скользили их быстрые чёлны,
И «чайки» казачьи забыли навряд,
Я чай, черноморские волны.

На турок, татар и иных басурман
Ходили, бывало, в походы,
Но боле, чем самый богатый дуван,
Ценили там радость свободы.

II

А русской царице меж тем донесли
О жизни привольной казачьей,
И ей захотелось (хитры москали!)
На службу принять их, тем паче,

Узнала, что в хлопцах есть удаль, и стать,
И прыть, и мужчинская сила.
А это, последнее, надо сказать,
Владычица шибко любила.

И чтоб запорожцев на службу завлечь,
Короче, оформить наёмку,
Царица немедля отправила в Сечь
Вельможного князя Потёмку.

Увидел светлейший насколько хороши,
Отважны сыны запорожья,
И вспыхнула зависть, отрава души,
Коварность разыграла вельможья.

Подумал Потёмка – Неможно никак
Везти этих хлопцев в столицу,
А то ненароком какой-нить казак
Собой очарует царицу.

Вон, сила мужская из них так и прёт,
Любой подойдёт в фавориты.
А мне что тогда? От ворот поворот
И двери в покои закрыты!

Покои-то ладно, да нет дураков,
Чтоб власть самолично отдали.
Поэтому нужно послать казаков
В поход, да отсюда подале! —

Для царских придворных интрига, обман —
Привычное, милое дело.
Светлейший подарки раздал, хитрован,
И сети расставил умело.

Сокрыв ото всех настоящий наказ,
Он именем русской царицы
Просил казаков поспешить на Кавказ,
Чтоб с местной царицей сразиться.

Мол, злая колдунья – придумывал он —
Грозит государыне нашей,

И надобно взять эту курву в полон
Живую иль мёртвую даже.

А сам себе мыслил – Уйдут казаки,
Назад не воротятся вскоре.
Побьют их кавказской царицы полки
В сраженьях у Чёрного моря.

А тех, кто удачно в кровавых боях
Со смертью сыграет в орлянку,
Накажет потом мусульманский Аллах,
Пошлёт им болезнь-лихоманку. —

Поверили хлопцы в обманную речь.
Коль просит царица толоку,
Коней оседлали, оставили Сечь,
Направили войско к востоку.

Уехали разом, собравшись за час,
Забыв на Днипро оглянуться.
И нету с тех пор их – сказал Опанас, —
И вряд ли обратно вернуться.

III

А что с ними случилось? Чудные дела!
В легенде вот так говорится:
В полон запорожцев без боя взяла
Кавказская эта царица.

Без сабельных ран, без железных оков,
Петлём власяной не арканя,
Навек привязала к себе казаков
Прекрасная дева Ковбаня.

Краса от рожденья дана была ей.
Неможно представить и в сказке
И стан её гибкий, и пламя очей,
И взор с обещанием ласки.

Лишь только увидев её, казаки
Забыли о цели похода,
Привольные степи, густые колки,
Днепровские быстрые воды.

Ковбаня, сказав, что во всех влюблена,
Остаться позволила с нею.
И хлопцы остались на все времена,
Уйти от царицы не смея.

С тех пор Ненасытец тоскует, ревёт,
Пеклется в вое и плаче.
Столетия проходят, а он всё зовёт
Ушедшее войско казачье.

И Днепр вспоминает о тех временах,
Когда басурманам на горе
Он лёгкие «чайки» носил на волнах
До самого Чёрного моря.

А степь, что упрятать могла без числа
Лихих казаков с атаманом,
Сегодня завяла и вся поросла
Сухим низкорослым бурьяном.

И лишь по весне из заморских сторон
На Днепр возвращаются птицы,
Приносят оттуда казачий поклон
И вести о жизни станицы.

Река засыпает, вздыхая во сне
О славе казачьего рода,
А птицы купаются в тихой волне,
Ныряя в днепровские воды.

Легенда о казаке

Во степи Придонья,
У Святой реки
Съехались на конях
Братья казаки.
Не на бранном поле
Бить чужую рать,
А напиться воли,
Удаль показать.

Прибыл на потеху
Молодой казак,
А откель приехал,
Не узнать никак.
С виду – хлопец гарный,
Жеребец – огонь,
Ну а силы в парне —
Ну-ка, пробуй, тронь!

Верьте, чи не верьте,
Этот славный вой
Бился так, что черти
Поднимали вой.
В бой вступал без страха,
А потом в лесу
Плакал и папахой
Утирал слезу.

Казаки вначале,
Видя этот грех,
Парня задирали —
Шуточки да смех...
Но узнали часом,
Что случилось с ним,
И единогласно
Приняли своим.

Выпало родиться
Хлопцу в хуторке
Около границы
На Десне-реке.
А маманю с батей
Без какой вины,
Лишь забавы ради,
Извели паны.

И остался мальчик
Круглым сиротой.
Был возвращён с казачьей
Строгой прямотой.
Отошёл от горя,
Все ж таки – малец.
Был смышлён, проворен,
Как его отец.

Над его судьбою
Чёрный выпал рок.
Ляхи вновь с разбоем
Взяли хуторок.
От руды да сажи
Снег был чёрно-ал,
Соколом тогда же
Соколёнок стал.

Силам у Данилы
Не видать конца,
Вражеским громилам
Не настичь мальчика.
Вроде малолетка,
Что с мальчонки взять?
Но заветы предков
Выучил, как нать.

Воевода Збышко,
Вида этот бой,
Повелел парнишку
Захватить с собой.
Обучил, как нужно
Ездить на коне,
Как владеть оружием,
Побеждать в войне.

Пленник воеводы
Вырос, стал юнак,
Только память рода
Не стереть никак.
Ночкою туманной
Учинил резню,
Обезглавил пана
И его родню.

Головы подвесил
На заборе он
И, минуя веси,
Ускакал на Дон.

Чтоб найти собратьев
На Святом Дону,
Чтоб единой ратью
Защищать страну.

Рассказал на круге
Про судьбу свою,
И парнишку други
Приняли в семью.
Уважали воя
За казачий нрав.
Волен был душою
И рассудком здрав.

Ой, судьбы зигзаги
Крутят удила,
На поляцкий лагерь
Вышла казарла.
В ход пошли резервы,
Кровь текла рекой,
И Данилка первый
Рвался в смертный бой.

Клали жизнь за волю,
А не за рубли,
Но мальчонку в поле
Не уберегли.
Била кровь криницей
Из казачьих жил,
Но своих убийцев
Всё ж он погубил.

Поминали долго
После казака,
Сокола младого,
Как сынка полка.
Били, что есть силы,
Ворога бойцы,
За своего Данилу
Мстящие донцы.

Годы неустанно
Мчатся без конца,
Но в казачьем стане
Не забыть юнца.
Будто бы с отрядом,
Смертью смерть поправ,
Снова едет рядом
Данька жив и здрав.

И когда бесстрашно
Лава шла в намет,
Гик его отставших
Подгонял вперёд,
Бил врагов Присуда,
Словно ураган.
Но не верил в чудо
Батька-атаман.

Как-то к дивной речке
Выехал отряд,
Славное местечко,
Травный аромат.
Над водою тихо
Плачет краснотал.
Ой, засады лихо
Кто бы ожидал?!

Выскочили ляхи —
Сабли наголо.
Рубят от папахи
Ажно по седло.
Вдруг из выси камнем
Сокол прилетел,
Вот тогда-то парня
Атаман узрел.

– Батюшки! Да это
Данька! Посмотри!
Словно ясным светом
Светит изнутри. —
– К вам пришла сподмога! —
Слышен звонкий глас
– В бой, ребята, с Богом!
Я иду за вас!

Крепче дружбы, верьте,
Нету ничего!
Мы и после смерти
Все за одного!
На поганых ляхов
Вскинем ввысь клинки
И вперёд без страха,
Братья казаки! —

Руки не ослабли,
Глаз ещё востёр,
В сечу рвутся сабли,

А в душе – костёр.
Раненые тоже,
Кто стоять могли,
В бой во славу Божию
Поднялись с земли.

Двинули громадой,
Чтобы вражья гнусь
Вникла, что не надо
Приходить на Русь.
Били в хвост и в гриву
Шляхетскую рать,
Не давали живу
Никому удрать.

После этой битвы,
Бают старики,
Новую молитву
Стали казаки
Перед боем кажным
Небу возносить,
А потом отважно
Супостата бить.

А чего бояться,
Братя во Христе?
Наш Данилка-братец
Там, на высоте,
Сверху зорким взглядом
На Присуд глядит,
Казакам, коль надо,
В битве подсобит.

Легенда о красавице-казачке

Жену кунака умыкнул Исмаил,
Покуда Демьян в лагеря уходил.
Нарушивший клятву черкесскую пёс
Казачку-красавицу в горы увёз.

Демьян воротился, очами сверкнул,
А вскоре набег совершил на аул.
Лишь конь был в ту ночку с лихим казаком,
Да следом ещё увязался Серко.

Супругу из плена Демьян возвернул,
И вместе покинули горный аул.
Помчались домой, но в конце-то концов
Черкес у Кубани настиг беглецов.

Тут начался бой между ними, вот-вот
И горец свирепый победу возьмёт.
Казак обратился к законной жене —
Хучь трошки помочь не могла бы ты мне?

А та повела только белым плечом,
Сказала спокойно – Дык, я ни при чём.
Остаться должен победитель один,
Вот он-то и будет в семье господин. —

И смерть бы Демьяну, да верность Серка
Спасла, слава Господу, жизнь казака.
Вцепился клыками черкесу в кадык,
И горцу настал карачун и кирдык.

Казак и казачка примчались домой
И пир закатали, да Боже ж ты мой!
Вернулась жена, в честь неё торжества
В том хуторе длились не день, и не два.

И в самый разгар тех гостей, кто не пьян,
Кубыть невзначай вопрошает Демьян —
Мол, как поступать с той неверной женой,
Что к мужу в беде повернулась спиной,

Что напрочь забыла про верность и честь,
Что горца могла казаку предпочесть?
– Убить её, курву! – был общий ответ.
И в жёнку Демьян разрядил пистолет.

Легенда о том, как Уруп-князь в грязи увяз (по мотивам «Казачьих сказок»)

Урюпинск откель называется так?
Не ведаешь? То-то жа, глупай.
Садись на колени к дедуне, казак,
Послухай про князя Урупа.

От помнишь, вчерась мы с тобой перед сном
Вопрос обсуждали сурьёзный,
Что царь на Руси был когда-то давно,
Иван по прозванию Грозный?

Однажды он двинул войска на восток,
Те стали под градом Казанью.
Да что ты гутаришь?! Ну как бы я мог
Быть воином в энтой кампаньи?!

Казанское ханство Иван покорил,
Повсюду пожары и трупы.
А хана с князьями в полон захватил.
Не взяли лишь только Урупа.

Тот тайной тропюю смог ночью удрать
К брательнику, Крымскому хану,
Чтоб тама собрать себе новую рать,
И бой дать в отместку Ивану.

А Грозный от гнева стал красным с лица,
Вскричал: – Захотели на плаху?!
Немедля спымать и привести беглеца,
Коль дали с Урупкою маху.

Живым или мёртвым! Таков мой приказ.
Нарушить его – не дай Боже! —
Пошли воеводы с Ивановых глаз,
Засунувши в борода рожки.

– Где вора искать? Затаился, кубыть. —
Гутарят они втихомолку.
– В бескрайней степи? Дык ить легче найтить
В соломенном стоге иголку.

Поруху Иван не простит нам, увы.
Надёжи на поиски хрупки.
Бяда, не сносить нам теперь головы
По милости князя Урупки. —

Прослышал про ихни печали казак
Из Чигиных славного рода,
Ермак Тимофеич, тот самый Ермак,
Решил пособить воеводам.

Он был атаманом лихих казаков,
Участвовал в штурме Казани.
С какой там Сибири? С донских берегов.
Историк! Одно наказанье...

И молвил Ермак воеводам: – Палач
Не страшен вам, дело улажу.
Чичас с казаками припустимся вскачь,
Отыщем мы вашу пропажу,

Доставим её Государю Руси. —
Бояре-то до смерти рады.
– Казаче, голубчик, ты только спаси!
Шо хошь попроси для награды.

Дадим тебе серебра-злата не счесть,
Коня и богатую справу.
– Не нать! Мне дороже казачая честь.
В награду я выберу славу. —

Вскочил атаман на свово жеребца,
И вот уже резвые кони
Отряд понесли по следам беглеца.
Тому не уйтить от погони.

Скакал три недели за князем Ермак
По долам, лесам и полянам,
Пока в ковылях не приметил бивак.
Пришёл карачун басурманам.

Средь чёрных палаток Уруповых слуг
Походный шатёр белоснежный.
Там князь, позабыв про недавний испуг,
Храпел на кошме безмятежно.

Татары поделать ничё не смогли,
Застыв в изумлении диком,
Когда неожиданно сквозь ковыли
С разбойничим свистом и с гиком

На них устремился отряд казаков.
И вскоре Урупкина свита
Ударами сабель, чеканов, подков

Была уже вся перебита.

Лишь князю тады удалось ускакать
Подале от места сраженья.
Заметил то дело Ермак и опять
Урупу стал резвою тенью.

От, скачет Уруп, погоняет коня,
Камчой его шкуру чекрыжа,
Назад оглянётся, урусов кляня...
А Чигин всё ближа и ближа.

Торопится князь, у коня на боках
Кровавая липкая жижа,
Но слышится топ дончака казака
Всё ближа и ближа, и ближа.

Спужался Урупка, поводья сронил.
Почуяв нежданно свободу,
Скакун яво рыжий помчал что есть сил,
В болотную топь прыгнул с ходу.

В грязюке вонючей по шею увяз,
Не выйти, потребна подмога.
К врагу обратился в отчаяньи князь:
– Спаси ты меня, ради Бога! —

Достал басурмана тады атаман,
Не дал яму сгинуть под тванью.
В столицу доставил, где правил Иван,
Согласно своему обещанью.

Он выполнил Грозного строгий наказ,
Привёз беглеца на расправу
И всех воевод от немилости спас,
И честь заработал и славу.

А гиблое место хопёрских болот,
Где булькали чёрные грязи,
Урупом прозвал языкастый народ,
По имени беглого князя.

Трясина усохла с годами потом,
Уходит вода из колодца.
Станица возникла на месте на том,
Урюпинской ноне зовётся.

От, коли в Урюпинск до дядьки твоео
Поедетя будущим летом,

То сможешь похвастать, што кое-чаво
Ты знаешь о городе этом.

Легенда об амазонках (по мотивам «Истории» Геродота)

* * *

Примеров, унучек, мы знаем полно
В истории Тихого Дона,
Когда с казаками дрались заодно
Их матери, сёстры и жёны.

Геройство их туркам познать довелось,
Черкесам и прочему люду.
Лупили и вместе, лупили и врозь,
Чтоб шляхи забыли к Присуду.

Откуда ж у бабы кураж боевой?
Не знаешь? От, то-то, кужонок!
Ить корень казачки наследуют свой,
Кубыть, от самих амазонок.

* * *

Послухай, дружок, в самой глуби времён,
Как пишет нам батька историй,
Рекой Танаисом был батюшка-Дон,
Меотским – Азовское море.

Хто «батька историй»? Ну, тот, Геродот.
Учёный. Жил в прошлые веки.
От, сбил меня, ирод, с рассказа! Дык вот,
О чём бишь я? Древние греки

В бою победили и взяли в полон
В какой-то не нашей сторонке
Одно из воинственных бабьих племён,
Что звали себя «амазонки».

Загнавши их в трюмы своих кораблей,
Поставив тугие ветрила,
Отправились в путь, к той далёкой земле,
Что их родила и вскормила.

Тут буря взыграла. Покуда мужи
Сражались, с волнами споря,
Те девы достали мечи да ножи,
И сбросили эллинов в море.

А шторм вслед за валом накатывал вал,
Стонали и лопались снасти,

Как править кормилом никто и не знал,
И вёсла ломались на части.

И парус поставить они не могли,
Отдавшись на волю планиды.
А ветер, как щепки, швырял корабли,
Пока не достиг Меотиды.

И вот в Танаис амазонки вошли,
Узрели зелёные бреги.
Причалили, твердь незнакомой земли
Вдохнула в них мысль о набеге.

Похитив у скифов табун лошадей,
Наладивши луки и стрелы,
Взялись за разбой среди местных людей.
А што там? – Привычное дело!

* * *

А скифы не поняли сразу, откель
Свалилось несчастье такое?
Пошто и с каких неизвестных земель
Явились свирепые вои?

От так и гадали они до тех пор,
Покуда в одном поселеньи
Налётчикам дали достойный отпор,
Побили их трошки в сраженьи.

Почали доспехи с убитых сымать,
Ну, типа военной добычи.
Раздели их, глядь! Ох ты, ёшкина мать!
– Мы билися с бабами, нычит?!

И тут к атаманам помчались гонцы
С доносом, что скифам обиду
Чинили отнюдь не мужчины-бойцы,
А бабы, пригожие с виду.

И круг атаманов размыслил, что впредь
Для племени было бы кстати
Не бить амазонок, напротив, иметь
В союзниках девичьи рати.

И скифы послали своих сыновей,
Шоб те только миром да ладом
Вчерашних врагов превратили в друзей
И стали над бабьим отрядом.

Найти амазонок в бескрайней степи —
Сурьёзное дело, не шутка.
Шо ёрзаешь? Сбегай на двор, не терпи,
А я подымлю самокрутку.

Сколь хлопцы путляли, топча ковыли,
Об этом отдельные речи.
Но лагерь воительниц всё же нашли,
Разбили и свой недалече.

За каплею капля заметна едва,
Но камушек точит водица.
И мало-помалу, но лагеря два
Смогли меж собой подружиться.

* * *

Так колос весной подымается ввысь,
Коль осенью брошено семя,
Два лагеря вместе в единый слились,
Сложилось новое племя.

Мужья предложили вернуться домой,
Собраться и двинуться разом.
На энто супружницы все до одной
Отвечили твёрдым отказом.

– Обычай женщин из ваших племён
Нам чужды, – заметили жёны.
– У тех, кто с мечом был и с луком рождён,
Иные для жизни законы.

Шоб часть состояния вашу забрать,
Езжайте в родные селенья.
Потом возвергайтесь в лагерь опять,
Мы будем вас ждать с нетерпеньем. —

Послушались хлопцы, явив свою прыть,
Но жёны сказали – Негоже
Нам жить в этом месте, пора уходить. —
Вскричали мужья – Отчего же!?

– На скифской земле нам не любо. Мы ей
Чинили немалые беды,
И вас, как детей, увели из семей.
Давайте ускачем отседа.

Оставим страну, перейдём Танаис
На север помчим иль к востоку.
А тама начнём свою новую жизнь

В краю неизвестном, далёком. —

Коль бабы решили, их дурь не убить,
Настырное чёртово семя!
Сказали «идтить», нычит надоть идтить...
И степи покинуло племя.

Их жёны сражались мужчинам под стать,
Владели копьём и чеканом,
Могли на коне без устатку скакать
И всадника сбросить арканом.

Свистела и в цель попадала стрела,
И сыпались искры булата...
А девка идтить под венец не могла,
Пока не убьёт супостата.

А те племена, кто свой корень ведёт
От скифов, ушедших когда-то,
И их амазонок, писал Геродот,
Назвали потом *савроматы*.

* * *

А нут-ка таперя затылок чеши,
Задачку задам, отгадай-ка —
От, как их потомков зовут? Чуваша!
А ты и не ведал, всезнайка.

Ты шо, пострелёнок, жалаешь спросить?
Мотрю – засверкали глазёнки.
Как можно про корни казачек судить,
Коль с Дону ушли амазонки?

Не думай, што деда спымал на брехне.
Видать, Геродот обсчитался —
Уйтить-то ушли, да вот верится мне,
Кубыть, кое-кто и остался.

Одолень-трава (по мотивам казачьего сказа)

I

Набегался за день? Тады, коль не лень,
Ложись на бочок, слухай деда.
Я сказку скажу про траву-одолень,
А ты засыпай, непоседа.

Ох, было то дело в седые года,
Тому лет пятьсот иль поболе.
И степи донские шумели тогда
И звалися Дикое поле.

Не видно ни стёжки в густых ковылях,
Ни тропки, ни влево, ни вправо.
Лишь только Ногайский извилистый шлях
Ползёт сквозь высокие травы.

По этому шляху с восточных сторон
Свершали набеги порою
На Дикое поле, на батюшку-Дон
Лихие раскосые вои.

Встречали незваных гостей казаки
Могучею силою ратной
И гнали их дружно от Дона-реки
В ногайские степи обратно.

Но коли удара сдержать не могли,
То ворог, не ведая жалость,
Сметал городки и станицы с земли,
Рудою трава умывалась.

Побив казаков, стариков, малых чад,
Забрав полонянок с собою,
По шляху с дуваном в улусы, назад,
Вертались ногайцы с разбоя.

И шли молодые казачки в полон,
Лицом почерневшие с горя,
Отвесив Придонью прощальный поклон,
К Хвалынскому дальнему морю.

От ран на ногах вся дорога в крови,
Обильно слезами полита.
Ты плачешь, касатик? Не нать, не реви.

Была и у девок защита.

II

А где ж та защита? А вот она где —
У нас, на Дону, каждым летом
В затонах, на тихой, стоячей воде,
Кувшинки цветут белым цветом.

Они распускаются в солнечный день,
А в ночь закрываются снова.
Им имя другое – трава-одолень.
Ты чуешь? Волшебное слово!

И вот, ближе к вечеру – слышишь, внучок? —
В тот час, когда форму бутона
Цветы принимали, из вод старичок
Являлся на берег затона.

С седой бороною, глаза – пара звёзд,
А скорость быстрее, чем у зайцев.
Он за ночь проходит до тысячи вёрст,
Ать-два, и уже у ногайцев.

То нищим прикинется, просит подать
Монету, искусный пройдоха,
То нукером славным, ногайская знать
Не видела в старце подвоха.

А то притворится вдруг важным гонцом
Из ставки великого хана,
Но чаще всего представлялся купцом,
Являя ярлык от кагана.

При этом не столько менял свой товар
На бархаты, камни и злато,
Как просто вельможам давал его в дар,
Не требуя щедрую плату.

А те и довольны, гляди – повезло!
Ить, выгодно, честное слово!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.